

Писатели-фронтовики о войне

Проза, опалённая
огнём...

Некрасов Виктор Платонович (1911 – 1987)

В автобиографии, написанной за несколько месяцев до смерти, Некрасов очень кратко рассказал о своих военных годах: *«С августа 1941 года – в армии. Воевал в Сталинграде, на Украине, в Польше. После второго ранения в 1944 г. демобилизовался в звании капитана. Награды – медаль «За отвагу» и орден «Красной Звезды».*

Повесть Виктора Некрасова "В окопах Сталинграда", написанная вскоре после окончания Великой Отечественной войны, буквально взорвала литературный мир. Спустя годы эту книгу, которую критики называли «лихой, как "Три мушкетёра", трагической, как сводки Информбюро сорок первого года, и лирической, как дневник», изъяли из библиотек, а её автора исключили из Союза писателей и вынудили покинуть родину. Однако и сегодня это пронзительное и мужественное повествование, положившее начало "окопной" прозе, остаётся не только первым, но и лучшим.

«...Есть детали, которые запоминаются на всю жизнь. И не только запоминаются. Маленькие, как будто незначительные, они въедаются, впитываются как-то в тебя, начинают прорастать, вырастают во что-то большое, значительное, вбирают в себя всю сущность происходящего, становятся как бы символом.

Я помню одного убитого бойца. Он лежал на спине, раскинув руки, и к губе его прилип окурок. Маленький, ещё дымившийся окурок. И это было страшней всего, что я видел до и после на войне. Страшнее разрушенных городов, распоротых животов, оторванных рук и ног. Раскинутые руки и окурок на губе. Минуту назад была ещё жизнь, мысли, желания. Сейчас – смерть...».

Платонов Андрей Платонович

(1899 – 1951)

По рекомендации и просьбе Василия Гроссмана, которые понадобились, потому что официальная репутация Андрея Платонова была скверной, неугодный властям писатель был в октябре 1942 года был зачислен в штат «Красной звезды» фронтовым корреспондентом.

В этой должности он провел всю войну. «Его увлекали не столько оперативные дела армии или фронта, сколько люди». Он писал жене с фронта: *«Я пишу о них со всей энергией духа, какая только есть во мне».*

В ноябре 1944 года Платонов заболел тяжелой формой туберкулеза, а в феврале 1946 года был демобилизован.

В записных книжках военного времени , есть запись, которая стала ядром замысла рассказа «Возвращение».

«Одно из самых опасных для народа последствий войны – разрушение семьи. Где найти нравственную силу, которая может противостоять губительным страстям людей, и где находятся источники их истинной любви, которыми люди обмениваются в знак верности и взаимного чувства на всю жизнь...»

Рассказ «Возвращение» под название «Семья Иванова» был опубликован в журнале «Новый мир» (1946, №10-11). После зашательской статьи В.Ермилова «Клеветнический рассказ А. Платонова» 1947 года сборник рассказов Платонова вышел лишь в 1962 году.

Катаев Валентин Петрович (1897 – 1986)

В годы войны корреспондент
Совинформбюро, «Правды»,
«Красной звезды».

«Я был корреспондентом на фронте и многое увидел. Но почему-то больше всего запомнил мальчиков – обездоленных, нищих, угрюмо шагавших по дорогам войны. Я увидел русских солдат. Измученные, грязные, голодные, они подбирали несчастных детей. В этом была великая гуманность советского человека».

Казакевич Эммануил Генрихович (1913 – 1962)

В первые дни войны Казакевич – «Белобилетник» из-за сильной близорукости – ушел добровольцем в московское ополчение, после ранения (потом он был еще дважды ранен) и присвоения офицерского звания до конца войны служил в разведке. Закончил войну в Германии на Эльбе помощником начальника разведотдела армии. Один из однополчан Казакевича писал, что он «был человеком незаурядной храбрости – и личной, так сказать, солдатской, и командирской.»

Какое это счастье, – подумал он, – быть убитому не своей, а вражеской пулей .

Эммануил Казакевича – писатель, поэт, переводчик, чья проникновенная проза принадлежит к выдающимся образцам литературы XX века. Его повести «Двое в степи» и «Сердце друга», подвергались в 1940 - 50-х годах резкой критике за правдивое изображение трагедии войны, но и поныне они любимы многими поколениями читателей.

«Солдаты спали на земле на елочном лапнике, тесно прижавшись друг к другу. Утренний холод будил людей, и они бросались собирать шишки и ветки для костров. " Вот она, война, – думал Бугорков, поеживаясь, – великая бездомность сотен и тысяч людей ".»

«Здесь, в самом пекле войны, затрепетала молодая любовь, как птичка над крокодильей пастью.»

Гроссман Василий Семенович (1905 – 1964)

С первых дней войны до ее конца Гроссман – фронтовой корреспондент «Красной звезды».

«Мне пришлось видеть развалины Сталинграда. Я видел развалины и пепел Гомеля, Чернигова, Минска и Воронежа, взорванные копры донецких шахт, подорванные домны, разрушенный Крещатик, черный дым над Одессой, обращенную в прах Варшаву и развалины харьковских улиц. Я видел горящий Орел и разрушения Курска, видел взорванные памятники, музей и заповедные здания, видел разоренную Ясную Поляну и испепеленную Вязьму.»

Гроссман видел еще и форсирование Днепра, только что освобожденный чудовищный нацистский лагерь уничтожения – Трешлинку, и агонию Берлина.

«Все бесчеловечное бессмысленно и бесполезно!»

«Как бы ни были огромны небоскребы и могучи пушки, как ни была безгранична власть государства и могучи империи, все это лишь дым и туман, который исчезнет. Остается, развивается и живет лишь истинная сила – она в одном, в свободе. Жить – значит быть человеку свободным. Не все действительное разумно. Все бесчеловечное бессмысленно и бесполезно!»

Борис Исаакович Балтер

(1919—1974)

В 1936 учился в ленинградском, а с 1938 в киевском военном училище; офицером участвовал в Советско-финской и Великой Отечественной войне, дважды был ранен. Уволен из армии в звании майора. В 1968 году за то, что подписал письмо по поводу суда над Гинзбургом и Галансковым, исключен из партии.

«До свидания, мальчики!» - наиболее значительное и зрелое произведение Бориса Исааковича Балтера. Это повесть о предвоенном поколении, о южном городе, наполненном солнцем, морем и удивительными запахами. Рассказ ведется от лица Володи Белова, а в нем совмещаются мальчишка и прошедший войну 40-летний, много повидавший мужчина.

«Сейчас мне за сорок. У меня седые волосы и больное сердце. С моей болезнью люди не живут больше десяти лет. От меня это скрывают, но я все знаю. По ночам я слышу, как спотыкается сердце. Когда-нибудь, споткнувшись, оно остановится навсегда. Никто не может сказать, когда это случится: завтра, через год или через десять лет. Не стоит думать о неизбежном. Но когда приходишь к обрыву в черную пустоту, невольно оглядываешься назад. Кем я был?»

<...> теперь, наедине с собой, в долгие бессонные ночи, я понимаю, что знал очень мало. Разумный мир, единственно достойный человека, был воплощен в стране, где я родился и жил. Вся остальная планета ждала освобождения от человеческих страданий. Я считал, что миссия освободителей ляжет на плечи мои и моих сверстников. Я готовился и ждал, когда пробьет мой час. В пределах этого представления о мире - я думал. Самые сложные явления жизни я сводил к упрощенному понятию добра и зла. Я жил, принимая упрощения за непреложные истины.»

Шолохов Михаил Александрович

(1905 – 1984)

В годы войны – корреспондент газеты «Правда».

«Травой зарастают могилы, — давностью зарастает боль. Ветер зализал следы ушедших, — время зализжет и кровяную боль и память тех, кто не дождался родимых и не дождетя, потому что коротка человеческая жизнь и не много всем нам суждено истоптать травы...»

«Видали вы когда-нибудь глаза, словно присыпанные пеплом, наполненные такой неизбывной смертной тоской, что в них трудно смотреть? Вот такие глаза были у моего случайного собеседника.»

«Нет, не только во сне плачут пожилые, поседевшие за годы войны мужчины. Плачут они и наяву. Тут главное – уметь вовремя отвернуться. Тут самое главное – не ранить сердце ребенка, чтобы он не увидел, как бежит по твоей щеке жгучая и скупая мужская слеза...»

Михаил
Шолохов

Судьба человека

«Два осиротевших человека, две песчинки, заброшенные в чужие края военным ураганом невиданной силы. Что-то ждёт их впереди? И хотелось бы думать, что этот русский человек, человек несгибаемой воли, выдюжит, и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет всё вытерпеть, всё преодолеть на своём пути, если к этому позовёт его Родина.»

Симонов Константин Михайлович

(1915 – 1979)

Боевое крещение Симонов получил в 1939 году в Монголии на Халхин-Голе. С первых дней Великой Отечественной войны до ее конца он – фронтовой корреспондент «Красной звезды».

«Я свидетель многих активных действий и крупных событий. Меня посылали туда, где что-то готовилось или происходило.»

«"До тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага" - вот это действительно слова о войне, которые из войны вышли и на войну вернулись песней. И притом самоходом, без помощи радио. По радио какой-то мудрец убоился их передавать: как бы солдат там, на фронте, не испугался, услышав, что ему до смерти четыре шага!..»

Повесть Константина Симонова "Двадцать дней без войны" входит в цикл под общим названием "Так называемая личная жизнь. Из записок Лопатина". Фронтовой журналист в декабре 1942 года едет в Ташкент, где снимается фильм по его военным очеркам. Именно там, вдалеке от передовой, он переживает сильное и яркое чувство. В этой книге не звучат выстрелы и не падают снаряды, однако автор рассказывает о войне иную правду - правду о внутренней жизни человека во время страшных испытаний, человека, не утратившего способности верить, любить, сострадать.

«Иногда человеку кажется, что война не оставляет на нем неизгладимых следов, но если он действительно человек, то это ему только кажется...»

Богомолов Владимир Осипович (1924 – 2003)

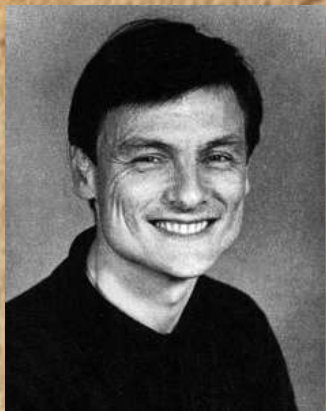

На фронт ушел добровольцем.
Воевал офицером разведки и
контрразведки.

Знаменитый роман В. О. Богомолова,
участника Великой Отечественной
войны, "Момент истины" ("В августе
сорок четвертого...") переведен более
чем на пятьдесят иностранных
языков.

Безупречная авторская работа над
историческими, архивными материалами
позволила точно и достоверно, вплоть до
нюансов, воссоздать будни сотрудников
спецслужб, а в сочетании с лихо закрученным
детективным сюжетом заставляет читать роман
на одном дыхании...

Андрей Тарковский

Тарковский прочитал повесть и через пару дней сказал:

— Мне пришло в голову решение картины. Если студия и объединение пойдут на это, я буду снимать; если нет — мне там делать нечего.

— В чем же твое решение?

— ИВАН ВИДИТ СНЫ.

— Что ему снится?

— Ему снится та жизнь, которой он лишен, обыкновенное детство. В снах должно быть **ОБЫКНОВЕННОЕ СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО**. В жизни — та страшная нелепость, которая происходит, когда ребенок вынужден воевать.

- Ему столько довелось пережить, что нам и не снилось, - шепчет Холин. - Он и в партизанах был, и в Тростянце - в лагере смерти... У него на уме одно: мстить до последнего! Как рассказывает про лагерь или вспомнит отца, сестрёнку - трясётся весь. Я никогда не думал, что ребёнок может так ненавидеть...

«Кто он, Иван? Безумец, чудовище, маленький герой? В действительности он — самая невинная жертва войны, мальчишка, которого невозможно не любить, вскормленный насильем и впитавший его. Нацисты убили Ивана в тот момент, когда они убили его мать и уничтожили жителей деревни. Однако он продолжает жить. Но жить в прошлом, когда рядом с ним падали его близкие.

Мне приходилось встречать юных алжирцев, выросших среди резни. Для них не было никакой разницы между явью и ночными кошмарами. Они были убиты, они хотели убивать и быть убитыми.

Их героизм был порождён ненавистью и бегством от невыносимого ужаса. Воюя, в бою они искали спасения от страха; ночью, во сне они становились безоружными и возвращались в детство. Но вместе со снами возвращались и жуткие воспоминания, от которых они пытались избавиться.

Таков и Иван.»

(Жан-Поль Сартр).

«И мне кажется, что нужно отдать должное Тарковскому, так убедительно показавшему, что для этого ребёнка, тяготеющего к самоубийству, нет различия между днём и ночью. В любом случае он живёт не с нами.»

Его поступки и видения тесно переплетены. Посмотрите на его отношения со взрослыми. Он живёт среди бойцов. Офицеры, славные, смелые люди, но люди «нормальные», не пережившие трагического детства, занимаются им, любят его, хотят любой ценой вернуть его в «нормальное состояние», отправить в тыл, в школу. На первый взгляд ребёнок мог бы, как в одной из повестей Шолохова, найти среди них человека, который заменил бы ему потерянного отца.»

Слишком поздно: ему не нужны даже родные, неизбежный ужас пережитой бойни обрекает его на одиночество.

И офицеры, в конце концов, начинают относиться к ребёнку со смешанным чувством нежности, ужаса и болезненной подозрительности. Они видят в нём доведённое до совершенства чудовище, одновременно прекрасное и почти отталкивающее, самоутверждающееся лишь в смертоносных порывах. Это существо не в силах порвать нити, связывающие его с войной и смертью; ему отныне необходим этот зловещий окружающий мир; освобождаясь от страха в разгар битвы, в тылу оно будет изглодано тревогой». (Жан-Поль Сартр)

Бондарев Юрий Васильевич

(1924 – 2020)

С августа 1942 года – командир орудия, воевал на Сталинградском, 1-м Украинском и 4-м Украинском фронтах. Бондарев писал о судьбе писательского поколения, названного фронтовым, и о своей судьбе:

«Это те, кто ушел на фронт, когда им не было восемнадцати лет... Это были люди, которые все тяготы войны вынесли на своих плечах – от начала ее и до конца. Это были люди окопов, солдаты и офицеры; они сами ходили в атаки, до бешеного и яростного азарта стреляли по танкам, молча хоронили своих друзей, брали высоты, казавшиеся неприступными...»

